

6 выпускъ въ годъ (два мѣсяца въ одномъ №). Соотвѣтственно этому — „Вѣстникъ“ понижаетъ и годовую плату. Но одного добраго желанія и усилій со стороны самого „Вѣстника“ — для того, чтобы намѣченный планъ осуществился — не достаточно. Нужно быстрое и энергичное содѣйствіе и со стороны читателей и подписчиковъ „Вѣстника“, нужно быстрое внесеніе подписной платы на новый годъ, нужно увеличеніе числа друзей-подписчиковъ „Вѣстника“. Объ этомъ „Вѣстникъ“ и просить всѣхъ, кто — хотя бы немного — любитъ и цѣнитъ журналъ.

Въ жизни „Вѣстника“ и раньше не разъ бывали минуты и положенія, когда вѣра и упованіе на помощь Божию и на содѣйствіе друзей и цѣнителей „Вѣстника“ были почти единственнымъ „капиталомъ“. И эта вѣра и упованіе никогда не постыжались — „Вѣстникъ“ просуществовалъ 10 лѣтъ. Срокъ — самъ по себѣ и небольшой, но въ условіяхъ современности — значительный и говорящій.

„Вѣстникъ“ все сдѣлаетъ, чтобы продолжать свое скромное дѣло служенія Правдѣ Христовой. Онъ въ правѣ надеяться, что всѣ, кто знаютъ „Вѣстникъ“ и сочувствуютъ его задачѣ и работѣ, всѣми силами поддержать его.

Съ этой надеждой и упованіемъ на милость и помощь Божию „Вѣстникъ“ и вступаетъ въ новый — 11 — годъ своего существованія.

Слово объ Утѣшителѣ.

Многое должно здѣсь сказать важное и нужное, забытое и неувѣданное. Однако всѣ слова о Духѣ останутся бѣдны и мертвы, лишеныя самого Духа, Его воздыханій неизреченныхъ и глаголовъ пророчесственныхъ. И взываетъ тварь, молитъ Духа: *прииди и вселися въ ны*. Изнемогающе зоветъ, истаяюще жаждетъ. Утѣшитель близъ, Онъ въ мірѣ, но не съ міромъ, — въ насъ, но не съ нами... Онъ неизмѣнно доступенъ и явно вѣдомъ въ дыханіи Своемъ, въ таинственномъ присутствіи Своемъ. Черезъ таинства Церкви даетъ Онъ намъ живое богообщеніе. Онъ хранитъ Ее и руководитъ Ею, Его силою Она для насъ есть высшая дѣйствительность, которая не отнимается и не отнимется отъ насъ, — радость на вѣки, свѣтъ вѣчности въ дольномъ мірѣ: Духъ, сошедшій съ небесъ, ниспосланный Сыномъ отъ Отца, Отца и Сына являющій. Но съ Божескимъ въ насъ соединено — „нераздѣльно и неслиянно“ — человѣческое, которое имѣетъ обожиться, стать богочеловѣческимъ. И какъ печально и даже страшно оно, это человѣческое, какъ оно

чуждается Духа и бѣжитъ отъ Него, боится и не хочетъ Его: и хранители священнаго огня, имѣющіе благочестіе храма, но чуждые благочестія творческой жизни, какъ и вовсе не вѣдающіе святыни, озлобленные ея хулители и отрицатели, порой не чуждые благочестія жизни и исканія творчества. Надменіе и ожесточеніе фарисейское и саддукейское: бездушніе во имя духовности и хула на Духа ради плоти согласно соединяются въ угашеніи духа и униженіи пророчества: кустодія, хранящая суетное и ложное, застой, возводимый въ законъ жизни, и безрадостный прозаизмъ, эта проказа лжедуховности — на одной сторонѣ, и демоническое богоборство съ гуманистическимъ самообожаніемъ, животное равнодушіе къ духовному и погруженіе въ плоть, — на другой. Огненные языки, вспыхивающіе во тьмѣ, озлобленно угашаются и безсильно гаснутъ. Ночь міра вѣяетъ мракомъ пустоты въ царствѣ звѣря и лжепророка. Но міръ и самъ уже содрогается отъ этой пустоты духовной, — и онъ жаждетъ вдохновенія, ищетъ пророчества, откровенія *богочеловѣческаго о человѣческомъ*, о мірѣ и человѣкѣ, Знаетъ и хранитъ Божеское, но не знаетъ и не умѣетъ найти Богочеловѣческое. И если Богъ не поможетъ, то и не спасется человѣкъ... Но Богъ уже спасъ, ибо пришелъ въ міръ и сталъ Человѣкомъ... И, вознесшись изъ міра, послалъ съ небесе Духа Св., даровалъ Пятидесятницу. Духъ Св. пребываетъ въ мірѣ, Онъ данъ намъ, и горе намъ, если мы не въ Духѣ. Но молимъ и чаемъ новаго дара всеединой Пятидесятницы, новаго отвѣта на вопросы безотвѣтные, новаго творчества, новаго вдохновенія, жизнь преображающаго, зовущаго ко встрѣчѣ Христа Грядущаго. Не имущіе Духа, мы жаждемъ Его и изнемогаемъ о Немъ. Безъ Него вся наша историческая эпоха содрогается смертною судорогой. Но таинственно орошаемые Духомъ въ таинствахъ, съ ними и въ нихъ чаемъ новаго таинства жизни, дара пришедшаго и съ нами пребывающаго Утѣшителя. И въ агоніи своей міръ знаетъ Утѣшеніе и чаетъ Утѣшителя, какъ Любовь Божію къ міру, и — любить Любовь.

Онъ любитъ Любовь въ дѣлахъ ея, въ дарахъ ея, которые суть дары Духа Св. И ненасытная любовь наша хочетъ любить и саму Любовь, — не только силу Ея, но и ликъ, ипостасный ликъ, намъ невѣдомый, неявленный, неоткрытый. И любовь наша ищетъ отраженій этого лика, явленія его. Она ищетъ и — находитъ: въ вѣдомомъ и невѣдомомъ, земномъ и небесно-прославленномъ ликѣ Духоносицы, Богоневѣсты и Богоматери, Дѣвы Маріи, препрославленной Царицы Небесной, во Успеніи міра не оставившей, но, — какъ ипостасная Любовь Божія, Духъ Св., — пребывающей въ мірѣ и вмѣстѣ — надъ міромъ. Наши очи слѣпы, чтобъ видѣть въ небесахъ эту Славу, и однако

чаемъ Ея откровенія. Ея приближенія къ міру, ибо во Славѣ Грядущій Христосъ приблизится. Тогда явится полнота Богочеловѣчества: Иисусъ — Марія, Логосъ и Духъ Св., открывающіе Отца. Эта полнота откровенія обѣтована изнемогающему творенію. Высокими умы и очищеннымъ сердцемъ возстанемъ завтра съ зажженными свѣчами навстрѣчу ему, — Богочеловѣчеству.

*Утѣшителю, Душе истины, прійди и вселися въ ны!
Ей, гряди, Господи Иисусе!*

И Духъ, и Невѣста говорятъ: прійди! И слышавшій да скажетъ: прійди! (Откр. 22, 17).

Профессоръ Протоіерей С. Булгаковъ.

Л. Н. Толстой, какъ религіозный типъ

(Къ 25-лѣтію со дня смерти).

Мы отдѣлены отъ Л. Толстого не только двадцатью-пятью годами, прошедшими со дня его смерти — насъ больше отдѣляетъ отъ него другое — всѣ тѣ огромныя, колоссальныя перемѣны, какія внесла въ русскую жизнь, въ русскую душу наша революція. Мы всѣ стали уже иными, чѣмъ были до революціи, конечно, намъ самимъ очень трудно это осознать, осмыслить, но наши оцѣнки, наше воспріятіе исторіи, наше духовное зрѣніе стали иными, совсѣмъ иными. Это не значитъ, что въ отношеніи къ Л. Толстому для насъ уже возможна „исторія“ — наоборотъ, мы навѣрное сейчасъ гораздо болѣе субъективны, можно сказать, почти „одержимы“ духомъ эпохи, ея страстными и тревожными думами, остротой и мучительной четкостью ея „откровеній“. Совершенно неправильно было бы сказать, что мы стали зрѣлѣе, — но просто наша эпоха въ своемъ основномъ и опредѣляющемъ звучаніи отмѣчена уже новымъ стилемъ, обречена нести иное бремя, — она имѣетъ въ своемъ распоряженіи не тѣ возможности, какія были раньше, живетъ иными задачами, чѣмъ эпоха отошедшая.

Думается мнѣ, что отчетливѣе всего это выступаетъ именно въ отношеніи къ Л. Толстому. Его художественное творчество по прежнему чаруетъ и питаетъ насъ, многія его за вѣтныя идеи, его одностороннія, но горячія высказыванія хотя по новому, но живутъ въ насъ, а все же въ цѣломъ Л. Толстой, въ полнотѣ его духовнаго наслѣдія, его творчества и исканій — какъ то безконечно далеко отъ насъ, словно не 25 лѣтъ отдѣляетъ его отъ насъ, а по меньшей мѣрѣ столѣтіе...